

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Карповская Н.В., Рой-Игнатенко А.В. Метафора как когнитивный механизм и домен понимания в контексте профессиональной коммуникации в сфере архитектуры // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77123 EDN: WTDUPB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77123

**Метафора как когнитивный механизм и домен понимания
в контексте профессиональной коммуникации в сфере
архитектуры****Карповская Наталья Валерьевна**

ORCID: 0000-0001-9862-3692

кандидат филологических наук

доцент; Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований; Южный федеральный университет
Директор; Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований; Южный федеральный университет

Scopus Author ID: 57211663641. ORCID: 0000-0001-9862-3692

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, зд 105/42

✉ nkarpovskaya@sfedu.ru

Рой-Игнатенко Анна Владимировна

преподаватель; Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, зд 105/42

✉ royignatenko@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.12.77123

EDN:

WTDUPB

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы вербализации профессионального знания в части метафорического происхождения испанских терминов специального

языка архитектуры. Установлено, что в процессе формирования архитектурной терминосистемы активно используется метафоризация, отражающая особенности профессионального мышления и способствующая более эффективной коммуникации между специалистами и между представителями иных научных областей. Архитектурная метафора, представляющая собой действенный когнитивный механизм образования новых понятий и важный компонент испанской национальной языковой картины мира, является предметом настоящего исследования, цель которого заключается в определении специфики взаимосвязи между обиходным языком и специальным языком архитектуры. Осознание способности метафоры проникать в сущность вещей и создавать целостную картину при объединении неоднородных компонентов привело к пониманию роли метафоры в познавательной деятельности человека и ее использованию в контексте научного познания как для обработки нового знания, так и для его представления. При анализе фактологического материала применялись теоретико-аналитический, описательный и семантический методы, сопоставительный и когнитивный анализ, метод сплошной выборки и установления метафорических импликаций. Актуальность работы обусловлена важностью выявления национальных особенностей в области терминологии специальных языков и необходимостью изучения процессов номинации и профессиональной коммуникации с позиций когнитивно-коммуникативной парадигмы. Материалом исследования послужили испаноязычные сайты туристических компаний, архитектурные, толковые и двуязычные словари. В связи с поликодностью профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, включающей кроме естественного и графического языка, язык построенных объектов, были проанализированы метафорические образы архитектурных сооружений в романе В. Бласко Ибаньеса «La Catedral». Согласно результатам проведенного анализа испанская метафора специального языка в сфере архитектуры, наряду с уточнением характеристик объекта через переосмысление значения и перенос названия одного объекта на другой на основе сходства и подобия, в то же время отражает исторические, социально-культурные и духовные аспекты жизни испанского общества.

Ключевые слова:

метафора, метафоризация, термин, терминосистема, профессиональная коммуникация, специальный язык архитектуры, дискурс, когнитивный механизм, семиотика архитектуры, национально-культурная специфика

Введение

Интенсивное развитие науки и техники, расширение международных профессиональных контактов, а также необходимость формирования профессиональной коммуникативной компетенции современного специалиста во многом обусловили рост интереса исследователей к изучению специальных языков и выявлению особенностей коммуникации в разных сферах человеческой деятельности. В работах отечественных и зарубежных авторов нашли отражение вопросы профессиональной коммуникации в области горного дела, специфики медицинского, педагогического, политического, научного и других видов дискурса [2, 5, 6, 14, 29, 31, 40, 41, 47].

В фокусе внимания ученых оказались и проблемы профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, которая, будучи поликодовой, предполагает не только вербальный уровень общения коммуникантов. Так, Х. Саинс Авиа выделяет 3 типа профессионального архитектурного языка: естественный язык, соответствующий устному

и письменному выражению (el lenguaje natural); графический язык, представляющий из себя чертежи и графические планы (el lenguaje gráfico); язык архитектуры – построенные объекты (el lenguaje arquitectónico) [45, с. 17]. Кроме того, в понимании многих исследователей, в частности, И. Е Зайцевой, Ф. Л. Косицкой, Н. Г. Кузнецовой, О. Н. Степичевой и других, архитектурный дискурс, следует отнести к «гибридным дискурсам», так как он представляет собой сложное дискурсивное образование, имеющее включения из разных научных областей: медицины, биологии, философии, лингвистики, истории и др. [16, 18].

При рассмотрении вопросов, связанных со специальными языками и профессиональным дискурсом, важная роль отводится изучению их терминологического аппарата [8, 21, 36], что объясняется значимостью термина как предельного выражения специальной мысли и основной семантической информационной единицы профессиональной коммуникации [8, с. 45; 36, р. 12], определяющей эффективность и результативность общения.

С целью выявления специфики архитектурной терминологии авторы активно обращаются к сопоставительному анализу терминов в разных языках, определению их функций и способу образования, предпринимаются попытки лексикографического моделирования и установления переводческих соответствий [1, 9, 22 и др.]. В рамках настоящей работы особый интерес представляют научные изыскания в области метафоризации и архитектурной метафоры, позволяющие подойти к процессам номинации и профессиональной коммуникации с позиций когнитивно-коммуникативной парадигмы [7, 37, 48 и др.].

Метафоризация в свете научного познания

Затрагивая проблему метафоризации, стоит подчеркнуть, что истоки интереса к ее изучению лежат в античной риторике и тесно связаны с именем Аристотеля [30], который ввел термин «метафора» (metaphora) для обозначения «переносного слова», понимая под ним «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [3, с. 669]. Рассуждая об использовании «переносных слов» в речи, Аристотель указывает на способность метафоры «говорить о действительном, соединяя невозможное» [3, с. 670-671], что, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, свидетельствует о стремлении метафоры «проникать в сущность вещей» [20, с. 213].

В своей работе «Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики» Л. В. Балашова обращает внимание на тот факт, что метафоризация у античного философа включена в систему когнитивных процессов, поскольку переосмысление значения и перенос названия «одного объекта на другой на основе сходства, подобия» связан с «с логическими операциями, т.е. с познавательной деятельностью» [4, с. 170]. Как полагает Г. Н Скларевская, благодаря Аристотелю метафору стали воспринимать в качестве неотъемлемой принадлежности языка, необходимой для коммуникативных, номинативных и познавательных целей [26, с. 6].

Однако, несмотря на ее познавательный характер, в течение длительного периода отношение к использованию метафоры в языке науке было весьма негативным, в первую очередь, по причине неоднозначности, неточности и возможных разнотечений в ее

трактовке. Осознание природы метафоры, ее фундаментальности, универсальности и той роли, которую она играет в познавательной деятельности человека, произошло только во второй половине XX века, что С. С. Гусев объясняет возникшей «необходимостью глубоко проанализировать роль естественных языков в интеллектуальных процессах» [10, с. 549].

Среди тех, кто первым обратился к метафоре в контексте научного познания, как правило, выделяют американского аналитического философа, автора интеракционной концепции метафоры М. Блэка, согласно которому в метафорическом суждении происходит взаимодействие двух идей, приводящее к появлению определенных ассоциаций и формированию нового значения. Метафора осуществляет отбор, выделение и организацию одних ассоциаций, подавляя другие и служит фильтром, который отграничивает научные знания от бытовых аналогий. Механизм метафоризации, по М. Блэку, заключается во взаимодействии главного субъекта, «фокуса» метафоры (focus), т.е. слова, используемого в переносном значении, и вспомогательного субъекта, «рамки» метафоры (frame), т.е. слов, реализуемых в прямом значении. В процессе взаимодействия фокуса и рамки основную функцию выполняют те ассоциируемые импликации, которые вносит слово, употребляемое в метафорическом значении, и его широкая семантика в суждение о вспомогательном «субъекте» [34].

Метафоризация, как считает В. Н. Телия, сопровождается «вкраплением в новый концепт знаний об уже познанном и названном объекте», оставляя «следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, "вплетается" и в картину мира, выражаемую языком» [28, с. 136]. При этом в силу того, что основу когнитивных процессов метафоризации образуют операции по обработке структур знаний, «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [20, с. 208]. П. Убеда Мансилья, в этой связи, замечает, что метафора, будучи «привычным и повседневным явлением в мышлении и языке», «представляет собой нечто гораздо большее, чем просто поэтический ресурс. С точки зрения когнитивной лингвистики, это мощный когнитивный процесс, который позволяет сделать обмен мнениями и идеями более эффективным и результативным» [49, р. 116]. Следовательно, возможности метафоры в создании целостной картины при объединении неоднородных компонентов способствует лучшему пониманию современного научного познания и представлению новых научных открытий и достижений.

Метафора в испанской архитектурной терминосистеме

Возвращаясь к вопросу о месте метафоры в испанской профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, целесообразно выделить ее способность связывать новые неизвестные понятия с привычными явлениями, окружающими человека, что и определяет восприятие метафоры в качестве одного из важнейших когнитивных механизмов и необходимого инструмента мышления. По принципу метафорического переноса в испанском языке возникли такие архитектурные термины, как: *aguja* – шпиль, *tambor* – барабан, *bsculo* – окулус, *tarjetón* – картуш, *cabecera* – алтарная часть церкви, *arco de herradura* – подковаобразная арка, *arco lobulado* – лопастная арка, *rosetón* – розетка, *nave* – неф и др.

В.М. Лейчик отмечает двоякую природу термина, понимая под ним «сложное многослойное образование, в котором естественно-языковой субстрат и логический суперстрат образуют соответственно нижний и верхний слои, а сердцевину составляет терминологическая сущность» [21, с. 21]. Данная черта в полной мере относится и к

испанским архитектурным терминам, для многих из которых, к тому же, характерно наличие несколько значений, ср.:

- *CLAVE* (ключ), с одной стороны, обозначает центральный камень арки / *dovela central de un arco* [39, p. 55], а с другой – может обозначать центральный элемент свода / *pieza central de una bóveda* [39, p. 55]. В русской архитектурной традиции данный термин имеет следующие переводческие эквиваленты: замковый камень, замок, аграф, – которые также используются для обозначения архитектурного элемента как в арке, так и в своде. [24, с. 12]. Замковый камень устанавливается последним, он уравновешивает боковые распоры сторон арки и как бы «запирает» ранее установленные клиновидные камни.

Таким образом, и испанский термин *clave*, и русский – замок логически связаны с той функцией, которую выполняет этот архитектурный элемент, закрывая конструкцию. Однако, интересно, что в испанской языковой картине такое «закрытие» ассоциируется с ключом, а в русской – с замком.

- *ALMA* (душа) в специальном языке архитектуры означает вертикальное укрепление, поддерживающее деревянные опоры, а также центральную ось винтовой лестницы, что передает смысл и общую идею души как центра и опоры личности человека [38]. В русском языке данное значение передается термином «ось».

- *FLECHA* (стрела) в испанском архитектурном дискурсе обозначает высоту от основания арки до ее высшей точки (замкового камня или шпиля) [39, p. 87]. Термин активно используется при описании готической архитектуры, для которой характерна вертикальная композиция, символизирующая стремление к Богу. Стрела, в данном случае, указывает путь от земли к небу.

- *TAMBOR* (барабан). Данный термин определяют не только как ударный инструмент, но и как часть здания цилиндрической формы [42], а также как многоугольную архитектурную конструкцию, поддерживающую купол [39, p. 170].

Основой метафоры, в случае с этим термином, послужило внешнее сходство музыкального инструмента и элемента архитектурной конструкции.

С помощью метафорического переноса образовалось значительное число многокомпонентных архитектурных терминов, среди которых выделяются номинации различных видов сводчатых конструкций. Испанский архитектурный термин *bóveda* (свод) обозначает криволинейное перекрытие пространства или помещения, ограниченного стенками, балками или столбами [42]. Как правило, для различных архитектурных стилей характерны определенные виды сводов. Например, один из самых ранних сводчатых конструкций – крестовый свод цилиндрической формы (исп. *bóveda por/de arista; arista* – ребро, линия пересечения двух плоскостей [38]) – широко применялся в римской архитектуре Испании.

В период Готики сводчатые конструкции принимали на себя большую нагрузку и имели усложненную форму. Крестово-нервюрный или готический крестовый свод в испаноязычном архитектурном дискурсе называется: *bóveda de crucería, bóveda nervada, bóveda de ojiva*. При этом вторичная номинация многокомпонентных терминов указывает с одной стороны на конструктивную составляющую свода (ср.: *crucería* – пучок нервюр, служащих для укрепления и украшения свода [38], *nervada* – нервюрный [38]), а с другой – на форму самого архитектурного элемента (*ojiva* – стрельчатый [43, p. 45]).

Помимо того, в готической архитектуре, широко распространенной на территории Испании, представлены разнообразные вариации упомянутого крестово-нервюрного свода: *bóveda estrellada* – звездчатый свод, *bóveda de abanico* – веерный свод, *bóveda sexpartida* – шестичастный свод и др., названия которых также образованы с помощью метафоры.

На базе метафорического сравнения появилось и наименование крестового свода с распалубками *bóveda de lunetas*, где *luneta* (уменьшительное от *luna*) представляет собой небольшое арочное перекрытие в форме полумесяца для освещения главного свода [38].

Распространенный в эпоху Ренессанса парусный свод представляет собой перекрытие в виде сферы, усеченной с боков плоскостями стен [24, с. 255]. В испанском языке данный тип свода называется *bóveda de baída/vaída*, *bóveda de vela* – парусный свод, *bóveda ráñuelo* – платочный свод.

В случае, когда опоры свода расположены на разных уровнях, такой архитектурный элемент называют ползучий свод – *bóveda rampante* (*rampante* – разрастающийся [38] или *bóveda por tranquil* (*tranquil* в архитектуре – вертикальная (отвесная) линия [42]). Разновидность ползучего свода, перекрывающего винтовую лестницу, называется: *bóveda de caracol* (*caracol* – раковина улитки, винтовая линия, спираль), *bóveda espiral* (*espiral* – спираль), *bóveda helicoidal* (*helicoidal* – винтовой, спиралевидный) [43, р. 45]. Стоит отметить, что переводческого эквивалента данному термину в русском языке нет.

Разнообразные вариации некоторых видов сводов, а также различные названия для номинации одной и той же сводчатой конструкции, свидетельствуют, с одной стороны о многообразии архитектуры Испании, а с другой – о культурно-языковой специфике испанского архитектурного дискурса. Как следует из проведенного анализа, большая часть архитектурных терминов испанского языка, называющих типы сводов, имеет метафорическое происхождение на основе внешнего или функционального сходства предметов или явлений, которые переносятся из общеупотребительной лексики в архитектурную сферу. Стоит отметить, что, в отличие от терминов, передающих узкоспециальную информацию, термины, образованные путем метафоризации, более понятны неспециалисту. Неслучайно Л. М. Алексеева говорит о том, что «при помощи метафоризации терминосистемы “цепляются” за мир действительности» [2, с. 10].

Большой интерес представляют и метафорические термины, связанные с видами других архитектурных элементов, например: *arco ciego* – слепая арка, *arquería ciega* – слепая аркада, *ápside de herradura* – подковообразная апсида и др.

Примечательно, что многие метафорические термины, имеют свои параллели в других языках. В основе указанных терминов нередко лежат схожие прототипы, что объясняется как взаимодействием участников профессиональной коммуникации и их ассоциациями, так и пересечением национальных научных картин мира. Ср.: *arco de herradura* (исп.) – *horseshoe arch* (англ.) – подковообразная арка; *arco apuntado* (исп.) – *pointed arch* (англ.), но: стрельчатая арка и др.

Метафора и семиотика архитектуры

В контексте реализации метафоры в профессиональной коммуникации в сфере

архитектуры наряду с дискурсом вызывает интерес и «язык архитектуры» («архитектурный язык», «художественный язык архитектуры»), под которым А. В. Иконников понимает систему архитектурных форм (т.е. построенных объектов), которые используются «как средство коммуникации между людьми в процессе человеческой деятельности» [13, с. 10], то же значение в испанском языке имеет термин «*el lenguaje arquitectónico*», а в английском – «*the language of architecture*». Язык архитектуры представляет интерес не только для архитекторов, но и для философов, социологов, семиологов и др.

Помимо А. В. Иконникова к вопросам семиотики архитектуры обращались и другие авторы, среди которых: У. Эко, О. И. Явейн, М.Н. Назарова, и др.[19, 32, 33]. Методы семиотического объяснения искусства и творчества берут начало из идей Ф. де Соссюра, который сравнивал отношения между языковыми единицами с отношениями архитектурных элементов между собой – «языковую единицу... можно сравнить с... колонной: с одной стороны, колонна находится в определенном отношении с поддерживающим ее архитравом – это взаиморасположение двух единиц... напоминает синтагматическое отношение; с другой стороны,... сравнение с другими орденами (ионическим, коринфским и т.д.)... – это ассоциативное отношение» [27, с. 156].

Сравнение языка и архитектуры находит продолжение в теории структурализма: архитектура рассматривается как «система знаков, аналогичная языку, смысл которой возникает в ней самой, в системе синтагматических и парадигматических смещений» [12, с. 116].

М.Н. Назарова, рассматривая роль архитектурного объекта как «транслятора социально значимой информации», подчеркивает, что именно архитектурные объекты, в отличие от других артефактов, являются наиболее долговечными и «консервируют в себе культурные коды прошедших эпох», то есть архитектурные здания не только не теряют информацию, а накапливают ее с течением времени [19, с. 38-40]. Автор указывает на то, что эстетическая составляющая архитектурных объектов способствует их коммуникации в пространстве и во времени.

В то же время, В.В. Красных отмечает, что различные когнитивные пространства являются «национально-детерминированными и национально-маркированными, так как “ядром” когнитивных пространств служит когнитивная база того национально-лингвокультурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного пространства» [17, с. 45].

Говоря об архитектуре как о средстве коммуникации и о характеристике архитектурного знака, У. Эко подчеркивал, что архитектура состоит из совокупности знаков, побуждающих к определенному поведению [32, с. 347]. В этой связи интересно обратиться к дворцу-монастырю Эскориалу, относящемуся к архитектурному направлению Эрререско (*el herreresco*). Находясь в подобном пространстве человек ощущает величественность королевской власти и божественной силы. Для передачи эмоциональной составляющей при его описании часто применяются метафоры:

El Escorial es... fruto de la historia

El Escorial es... la octava maravilla [44, с. 21].

В случае с Эскориалом метафоричность, граничащая с мистицизмом и трагичностью,

проявляется уже в плане сооружения. Монастырь выполнен в виде решетки, на которой Святой Лоренсо принял мученическую смерть:

... es .. la planta del edificio en forma de parrilla que se relacionaría con la parrilla en la que fue martirizado San Lorenzo (www.descubrir.com/descubriendo-los-misterios-de-el-escorial/).

Архитектурная метафора в художественном дискурсе

Метафора пронизывает все типы языка архитектуры, активно реализуясь не только в профессиональном дискурсе, но и в художественной литературе. Так, здание нередко становится одним из героев произведения (Notre-Dame de Paris, В. Гюго, Catedral del mar, И. Фальконес, La Cathédrale, Ж. К. Гюисман и др.) и выполняет, прежде всего, социальную функцию, которая осуществляется посредством метафоры.

Роман «La Catedral» (в русском переводе «Толедский собор») [\[35\]](#), написанный великим испанским писателем В. Бласко Ибаньесом в 1903 году, относится к циклу социальных романов, наряду с «El intruso» («Отцы иезуиты», 1904), «La bodega» («Винный склад», 1905) и «La horda» («Дикая орда», 1906). В этих произведениях, по мнению З. Н. Плавского, автор пытается разрешить противоречия общественной жизни, концентрируя внимание на пробуждении протеста против социальной несправедливости в самых низах общества [\[23\]](#).

Роман содержит элементы биографии писателя и отражает историческую эпоху того времени, что обусловило выбор лексических единиц при написании произведения. Следует отметить, что перевод романа на русский язык существует в единственной версии, автор перевода - З. А. Венгерова, 1911 год.

После поражения в войне с США (1898) и потери последних заокеанских колоний (Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины), Испания отстала в экономическом развитии от других западноевропейских государств. У власти в стране обосновался буржуазно-помещичий блок, который правил Испанией с помощью монархии.

Центральным образом романа «La Catedral» является сам собор - Кафедральный собор Святой Марии в Толедо. Неслучайно и в названии, и в тексте произведения слово «catedral» написано с заглавной буквы, словно имя собственное. С помощью приема метафоризации автор наделяет объект качествами живого существа. Ср.:

1. **Despertaba el templo. - Храм просыпался.**

2. **Tembló la montaña de piedra, transmitiéndose la vibración por naves, galerías y arcadas ... - Вздрогнула каменная громада, и дрожь отдалась во всей церкви...**

3. **No morirás. ... La Catedral te curará.- Ты не умрешь. ... Собор вылечит тебя.**

4. **La iglesia le acogía como una madre vieja y adusta que no sonríe, pero abre los brazos. - Церковь приютила его как старая суровая мать, которая не улыбается, но все-таки раскрывает объятия.**

У читателя складывается впечатление, что собор является живым человеком, имеет свои мысли, чувства, привычки. В. Бласко-Ибаньес отождествляет собор с матерью главного героя. Однако этот метафорический образ, в переводе передать не удалось, т.к. в испанском языке «la catedral» - существительное женского рода, а в русском языке «собор» - мужского рода. Вместе с тем, использовать другой архитектурный термин

(например, «базилика») в данном случае представляется довольно затруднительным, т.к. названия зданий храмовой (церковной) архитектуры выполняют важную религиозную функцию.

Интересно, что в следующем фрагменте облик прилегающих к собору территорий актуализируется с помощью прилагательных:

El jardín, insensible y sordo a las tempestades revolucionarias que descargaban sobre la iglesia... - Сад, равнодушный и глухой к бурям революций, которые проносились над собором...

Соответственно, черты живого существа в романе присущи не только собору. Весь архитектурный ансамбль предстает перед читателем огромным живым организмом, испытывающим чувства и эмоции. Это впечатление усиливается из-за того, что многие отдельные архитектурные элементы собора имеют свои названия (имена): *«la puerta de la Presentación», «la puerta del Mollete», «la puerta llamada de la Torre», «la puerta de los Escribanos», «la puerta del Perdón», «la puerta del Reloj, llamada también de la Feria», «la puerta de los Leones, o, por otro nombre, de la Alegría», «la capilla de Santiago», «la inmediata de San Ildefonso», «la tumba del cardenal Albornoz», «la puerta de Santa Catalina», «la Campana Gorda».* Ср.:

Los pordioseros charlaban sentados en los escalones de la puerta del Mollete. Pasaban por entre ellos los curas ..., entrando apresuradamente en la catedral por la puerta de la Presentación. -Нищие разговаривали между собой, сидя на ступеньках двери del Mollete. Мимо них проходили священники, ... и направлявшиеся в церковь через двери Введения.

Переводческий аспект проблемы не является целью нашего исследования, однако, можно отметить, что использование латиницы в тексте перевода не способствует реализации когнитивно-прагматического потенциала названий элементов собора и достижению нужного прагматического эффекта.

На протяжении всего романа автор всячески подчеркивает мрачный, неприветливый, холодный образ собора:

La humedad de la piedra, el frío de tumba que circulaba por toda La Catedral, le penetraba hasta los huesos. - Сырость камня, могильный холод, наполнявший весь собор, пронизывал гедокостей.

Несмотря на холодность и неприветливость *La Catedral*, как любая мать, защищает нуждающихся. Собор играет значительную роль в жизни населения Толедо, так как является не просто местом для молитв, но еще и убежищем. Несмотря на то, что речь идет о времени, когда на территории Испании господствовал готический стиль, церковь была построена гораздо раньше и сохранила в себе черты романской архитектуры, одной из основных функций которой была защита:

1. Era un pueblo que vivía sobre la catedral al nivel de los tejados, y al llegar la noche y cerrarse la escalera de la torre quedaba aislado de la ciudad. La tribu semieclesiástica se procreaba y moría en el corazón de Toledo, sin bajar a sus calles, adherida por tradicional instinto a aquella montaña de piedra blanca y calada, cuyos sarcoslas servían de refugio. - ... над собором, в уровень с крышами, жило целое население, и ночью, когда закрывалась лестница, ведущая на башню, все это население было совершенно отрезано от города, Целые поколения рождались, жили и умирали в самом сердце Толедо, не

выходя на улицы, привязанные каким-то инстинктивным наследственным влечением к этой громаде из резного белого камня, своды которой служили им убежищем.

2. Más allá de aquellos muros estaba el mundo.... - Где-то, за этими **стенами**, был мир...

Собор в Толедо является реальным сооружением, сохранившимся и функционирующим до настоящего времени. В 587 году он служил христианским религиозным центром вестготского королевства. После завоевания Испании арабами, собор превратили в мечеть. В 1085 году Толедо был отвоеван у мавров, но только в 1087 году мечеть переосвятили как христианский храм, с минимальными изменениями в архитектуре. В VIII веке часть здания была разрушена и ее восстановление продолжалось вплоть до 1493 года уже в готическом стиле под влиянием французской архитектуры. Образ собора, история его существования, воспроизведены автором романа через метафоризацию архитектурных элементов.

При передаче чувств главного героя романа, одинокого странника Габриэля Луны, В. Бласко Ибаньес также обращается к образу собора:

*1. Los Luna son **antiguos** en la catedral como las piedras de **sus muros**....* - Семья Луна такая же **старинная, как камни стены...**

*2. Los Luna eran tan **antiguos como los cimientos** de la iglesia...* - Семья Луна была такая же **древняя, как фундамент церкви.**

Посредством образной метафоры реализуется прагматическая установка автора, и собор предстает перед читателем в самых разных своих ипостасях: и как защитник, и как близкий родственник, и как храм веры. Создается образ храма, близкого по духу главному герою.

Примечательно, что архитекторы в профессиональной среде нередко относятся к своим творениям как к живым существам, в связи с чем П. Убеда Мансилья [49, р. 116] приводит следующие примеры:

1. El edificio es un ser vivo (Ср: Здание – это живое существо)
2. El edificio es un cuerpo (Ср: Здание – это тело, организм)
3. La ciudad es un ser vivo (Ср: Город – это живое существо).

При рассмотрении вопросов профессиональной коммуникации сквозь призму процесса метафоризации, трудно не согласится с Е. И. Головановой в том, что специальный язык представляет собой определенную систему в рамках общего языка, свидетельствующую о потребности людей «в "языковлении" специальной информации, полученной ими в ходе целенаправленной деятельности и отражающей особенности их восприятия объектов, связей и отношений между ними и специфику сложившейся в рамках профессионального социума системы коммуникаций» [8, с. 52].

Логично предположить, что данный вид коммуникации предусматривает не только наличие установленных норм поведения и взаимодействия между членами коллектива, но и говорит об обладании определенным типом мышления. Вместе с тем, принципиально важно отметить, что на развитие терминосистемы специальных языков большое влияние оказывает картина мира и ее национально-культурная специфика, которая, как правило, проявляется в «терминологических фразеологизмах» [8, с. 140], метафоре и метонимии [46, 48]. Язык «через систему своих значений и их ассоциаций окрашивает

концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [\[25, с. 177\]](#).

Заключение

Подводя итог вышесказанному и опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что метафора в составе испанского специального языка архитектуры способствует уточнению характеристик объекта через обращение к уже знакомым предметам и явлениям действительности, передавая вместе с тем особенности культуры, истории, ментальности и мировидения народов Испании.

Кроме того, метафора, играя роль «моста понимания» (*puentes de entendimiento*), относится к тем когнитивным инструментам, которые интенсивно используются архитекторами в их профессиональной деятельности. Предназначение данного языкового механизма видится в содействии процессу коммуникации во всей архитектурной среде, повышении ее эффективности через использование более простых «доменов понимания» (*dominios de comprensión*), соответствующих более сложным понятиям [\[48, р. 115; 37, р. 307\]](#).

Метафоризация, внося значительный вклад в «реализацию интенции адресанта и достижение определенного прагматического эффекта» [\[15, с. 110\]](#), в то же время активно участвует в процессе познания мира, освоении новых знаний и их языковой презентации, упрощая понимание и сближение между представителями разных научных областей.

Библиография

1. Абдурахманова А.З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016. – 219 с. EDN: LTDOKY.
2. Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте : дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 1998. – 357 с.
3. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Балашова Л.В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л.В. Балашова // Вестник Омского университета. – 2015. – № 2. – С. 169-177. EDN: TZQTYL.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Бузуева Ю.С., Карнаухова Е.Е. Эволюция категории "профессиональная коммуникация" в педагогических исследованиях // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2021. – № 1. – С. 76-80.
7. Гайнутдинова Д.З. Термин-метафора архитектурно-строительного подъязыка: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2012. – 22 с. EDN: ZORHGF.
8. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. – Москва: ФЛИНТА : Наука, 2014. – 224 с. EDN: UZQJEP.
9. Гринев А.С. Сопоставительный анализ английской и русской архитектурной терминологии: на материале тематического поля "Теория и история архитектуры" : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 214 с. EDN: NNISWF.
10. Гусев С.С. Метафора / С.С. Гусев // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль,

2001. – Т. 2. – С. 548-549.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
12. Делиц Х. Архитектура в социальном измерении / Х. Делиц // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 113-121. EDN: JSHUAF.
13. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. – Москва: Искусство, 1985. – 175 с.
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. EDN: UGQAMP.
15. Карповская Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал средств категории интенсивности сквозь призму процесса метафоризации (на материале интенсификаторов испанского и русского языков) / Н.В. Карповская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 107-117.
16. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Архитектурный дискурс и его жанры в сфере профессиональной коммуникации (на материале французского языка) // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 4. – С. 142-147. EDN: TRJYJL.
17. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – Москва: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
18. Кузнецова Н.Г., Зайцева И.Е., Степичева О.Н. Профессиональный язык архитекторов: системный подход к словарю (на материале английского, немецкого и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 2. – С. 98-107.
19. Назарова М.П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра философских наук. – Волгоград, 2013. – 49 с. EDN: ZOUYYR.
20. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. EDN: QRAADX.
21. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В.М. Лейчик // Вопросы филологии. – 2000. – № 2. – С. 20-29.
22. Овакимян А.Д. Архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2018. – 165 с. EDN: PEEHUS.
23. Плавскин З. Испанская реалистическая проза XIX века. Вступительная статья и примечания. – М.: Художественная литература, 1976. URL: <https://litmir.club/br-b=148242>.
24. Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Архитектурный словарь. – Москва: Искусство-XXI век, 2011. – 424 с. EDN: QNPIKH.
25. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – 212 с.
26. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская // Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 150 с. EDN: SJHTLP.
27. Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.
28. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. "Языки русской культуры", 1996. EDN: SUMHNJ.
29. Тюльнина В.П., Хаютин А.Д., Рудакова А.Г. Лингвистические и экстралингвистические аспекты номинации в подъязыке горного дела (на материале простых и сложных лингвистических единиц) // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 1996. – № 5. – С. 81-87. EDN: NBWWYH.
30. Философская энциклопедия. URL:
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/МЕТАФОРА (дата обращения:

28.11.2025).

31. Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 144 с. EDN: XTJOPJ.
32. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Изд. ACT, 2019. – 704 с.
33. Явейн О.И. О первых опытах переноса методов структурно-семиологических исследований в архитектуру (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – № 1(38). – С. 19-31. URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/yawein/index.php> (дата обращения: 29.11.2025). EDN: YGIKVZ.
34. Black M. Metaphor / M. Black // Models and metaphor studies in language and philosophy. – Itaca. London: Cornell University Press, 1962. – P. 25-47.
35. Blasco Ibañez V. "La catedral" // 1903. URL: <https://archive.org/details/BlascoIbezVicenteLaCatedral>.
36. Cabré Castellví M.T. Los términos, unidades comunicativas, cognitivas y lingüísticas / M.T. Cabré Castellví // Teoría y praxis en terminología. – Montevideo: Universidad de la República, 2017. – P. 9-22.
37. Castaño Perea E., de la Fuente Prieto J. Lenguaje del arquitecto diagnóstico y propuestas académicas / E. Castaño Perea, J. de la Fuente Prieto // Revista de Docencia Universitaria. REDU. – 2013. – Vol. 11, № 3. – P. 301-320.
38. Diccionario de la lengua española. URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae> (дата обращения: 29.11.2025).
39. Domínguez Ramos J., Giralt Ametller D. Diccionario de términos artísticos. – Madrid: Globo, 2003. – 198 p.
40. Estrategias argumentativas y discurso político / Ed. por C. Fuentes Rodríguez. – Madrid: Arco / Libros, S.L., 2016. – 317 p.
41. Gómez de Enterría J. El español lengua de especialidad: enseñanza y aprendizaje. – Madrid: Arco/Libros, 2009. – 192 p.
42. Moliner M. Diccionario de uso del español. – 3 ed. para PC / Linux / Mac. – Barcelona: Gredos, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
43. Ocampo E. Diccionario de términos artísticos y arqueológicos. – Barcelona: Icaria, 1992. – 214 p.
44. Ortega Barnuevo C. Testimonios históricos y literarios del monasterio de San Lorenzo el Real de El Escorial. – 2016. – p. 802.
45. Sainz Avia J. El dibujo de arquitectura: Teoría e historia de un lenguaje gráfico. – Madrid: Reverté, 2005. – 253 p.
46. Salvador V. De la fraseología a la lingüística aplicada // Caplletras. – № 18. – P. 11-30.
47. Schiffri D., Tannen D., Hamilton H.E. The handbook of discourse analysis. – Malden, MA: Blackwell, 2001. – 843 p.
48. Úbeda Mansilla P. Estudio de un corpus de textos conversacionales en inglés realizados en estudios de arquitectura de habla inglesa. su aplicación al diseño de un curso de inglés para arquitectos : Tesis Doctoral inédita. – Madrid, 2001. – 340 p.
49. Úbeda Mansilla P. Conocimiento y lenguaje en el ámbito de los arquitectos / P. Úbeda Mansilla // Revista de Expression Grafica Arquitectonica. – 2005. – Vol. 10, № 10. – P. 112-119.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Реценziруемая статья посвящена многоаспектному анализу метафоры как когнитивного механизма и домена понимания в профессиональной коммуникации архитектурной сферы. Предмет исследования очерчен авторами предельно ясно: рассматривается функционирование метафоры в испанской архитектурной терминосистеме, её роль в процессах номинации, в когнитивной деятельности архитектора, а также её проявления в художественном и профессиональном дискурсе. Уже сам выбор объекта — архитектурная метафора — выглядит научно перспективным, поскольку объединяет терминоведение, когнитивную лингвистику, профессиональный дискурс, межкультурную коммуникацию и семиотику архитектуры. Текст статьи демонстрирует глубокое понимание как лингвистической природы метафоры, так и своеобразия архитектурного языка, что делает исследование актуальным и востребованным в контексте современных гуманитарных наук.

Методология исследования основана на сочетании когнитивно-дискурсивного подхода, системно-структурного анализа терминов и лингвокультурологической интерпретации метафорических единиц. Автор использует широкий корпус лексикографических источников (толковые словари, терминологические словари архитектуры), сопоставительный анализ испанских и русских терминов, привлекает семиотические концепции У. Эко, структуралистские идеи Соссюра, когнитивные модели Лакоффа и Джонсона. Важным методическим компонентом является анализ терминов на основе их образной мотивировки и функциональных характеристик, что позволяет проследить связь между метафоризацией и архитектурным мышлением. Примерный корпус включенных единиц — *aguja, tambor, alma, flecha, bóveda de crucería, bóveda de abanico* и др. — подтверждает широту материала и корректность методологических процедур.

Актуальность исследования обусловлена сразу несколькими факторами. Во-первых, в теории специальных языков растёт интерес к когнитивным механизмам формирования терминологии. Во-вторых, архитектурный дискурс — один из наиболее поликодовых и междисциплинарных, что делает изучение его метафорического слоя особенно важным. В-третьих, испанская архитектурная традиция, богатая культурными ассоциациями и историческими пластами, остаётся недостаточно изученной с точки зрения метафорической терминологии в отечественной лингвистике. Таким образом, статья заполняет значимый научный пробел.

Научная новизна статьи проявляется в систематическом описании метафорических механизмов в испанской терминологии архитектуры, в выявлении специфики мотивировочных признаков и в демонстрации того, как метафора выступает инструментом профессионального мышления архитектора. Автор не ограничивается лишь технической терминологией, а показывает, что метафора работает и в «языке архитектуры» как семиотической системе, и в художественном дискурсе, где архитектурный объект нередко выступает самостоятельным персонажем. Особенno ценным представляется анализ романа В. Бласко Ибаньеса «La Catedral», где собор осмысливается как одушевлённый организм, обладающий функцией защиты, материнскими чертами и эмоциональной окраской. Корректное сопоставление оригинала и русского перевода позволяет увидеть, где метафорический потенциал теряется по причине грамматической несовместимости родовых форм.

Стиль и структура статьи демонстрируют высокий уровень научной организации материала. Текст логичен: переход от античной теории метафоры к когнитивным концепциям современности выстроен последовательно, затем следует анализ терминов и далее — рассмотрение метафоры в художественной литературе и семиотике

архитектуры. Изложение отличается академичностью и насыщенностью источниками, но при этом остаётся доступным благодаря богатому иллюстративному материалу. Отдельные фрагменты могли бы выиграть от кратких обобщающих таблиц или схем классификации, однако и без этого текст сохраняет стройность и убедительность.

Библиография статьи широка, разнообразна и включает как фундаментальные труды по лингвистике, метафорологии, когнитивной семиотике и терминоведению, так и специализированные словари и архитектурные исследования. Выбор источников отражает глубокую проработку темы и владение современным научным контекстом. Наличие трудов на нескольких языках (русский, испанский, английский), а также использование диссертационных и словарных материалов усиливают научную ценность публикации.

Апелляция к оппонентам осуществляется деликатно и корректно: автор сопоставляет различные концепции метафоры — риторическую, когнитивную, интеракционную, семиотическую — и показывает, что существующие трактовки дополняют друг друга, объясняя разные аспекты профессионального мышления архитектора.

Выводы статьи убедительны: метафора действует как мощный когнитивный инструмент, обеспечивающий понимание сложных архитектурных понятий, выполняет функцию домена интерпретации и способствует профессиональной коммуникации. Работа представляет интерес для широкого круга читателей: лингвистов, архитекторов, переводчиков, культурологов и специалистов по межкультурной коммуникации.

Полагаем, что рецензируемая статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале без критических замечаний.